

МОГЛА ЛИ В РОССИИ СФОРМИРОВАТЬСЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ЭЛИТА?

Чешев Владислав Васильевич,
*доктор философских наук, профессор,
профессор Национального исследовательского
Томского государственного университета
Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 36
ORCID: 0000-0003-2536-0806
chwld@rambler.ru*

Аннотация

В статье рассмотрены некоторые особенности формирования политической и интеллектуальной элиты России, связанные с осознанием цивилизационных особенностей русского общества. Опираясь на исследования отечественных и зарубежных мыслителей, автор ставит вопрос о том, можно ли рассматривать Россию как один из образцов цивилизационного устройства. Цивилизации представляют собой весьма широкие геополитические объединения, формирующие соответствующие элитарные слои. Обращается внимание на характеристики элит, их роль в жизни общества. Элиты неоднородны, они возникают в разных социальных слоях. Элита предстает как неформальное объединение таких групп. Указано на важность существования политической и интеллектуальной элиты, взаимная поддержка которых создает необходимое соответствие между мировоззренческими установками и практическими действиями в обществе. Обращено внимание на этические характеристики элитарных групп, в частности, на взаимосвязь индивидуальной нравственности с осознанием и исполнением общественного долга, возлагаемого на элиты их положением в обществе. Автор соглашается с мнением В.О. Ключевского, указавшего на особенности становления государственного сознания княжеской элиты периода Киевской Руси. Оно не является сознанием этническим, оно начинается с осмысления территориальной общности земель и проживающего на ней народа, объединяемых княжеской властью. В феодальный период роль интеллектуальной элиты выполняло православное духовенство, обращавшееся не только к формированию личной нравственности людей, но и к осмыслению идеологии Московского государства. Исторически неизбежный переход к промышленной стадии развития потребовал становления светского сознания и новой элиты, способной к его развитию. Автор указывает на важную роль исторического сознания как этической основы для внутриэлитного согласия и для консенсуса общества и элиты. В этих условиях в российской элите

возникает противоречие между попытками осмысления собственной цивилизационной идентичности и ориентацией на западный образец развития. Автор указывает на нерешенность названного противоречия и его влияние на современную историю России.

Ключевые слова: цивилизация, элита, интеллектуальная элита, нравственность, государственность, общественное сознание.

Библиографическое описание для цитирования:

Чешев В.В. Могла ли в России сформироваться цивилизационная элита? // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 2, ч. 1. – С. 29–47. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.1-29-47.

Постановка проблемы

Общество всегда есть некое системное целое, в котором существуют центры и группы, осуществляющие управление им. Это не только институционализированные центры власти, но и неформальные средства формирования личностного и общественного сознания, вне которого невозможно общественное управление и самоуправление. Одним из подходов к исследованию этой проблемы является исследование роли элиты в общественной жизни. В этом контексте возникает необходимость коснуться двух других вопросов: что такое элита и насколько обосновано рассуждение о России как о цивилизации?

На последний вопрос Н.Я. Данилевский – один из первых цивилизационных теоретиков – отвечал утвердительно. Заметим, однако, что в его понимании цивилизация есть историческое развертывание культурно-исторического типа, который применительно к России он обозначает как славянский тип. В современной терминологии культурно-исторический тип Н.Я. Данилевского можно было бы называть культурным кодом цивилизации, в то время как ее социальное устройство предстает, по мнению названного теоретика, как полное развитие четырех видов деятельности, посредством которых являет себя культурно-историческое начало: деятельности культурной, религиозной, хозяйственной и политической. На этом основании строится его систематика истории: «Естественная система истории должна заключаться в различении культурно-исторических типов развития как главного основания ее делений от степеней развития, по которым только эти типы (а не совокупность исторических явлений) могут подразделяться» [2, с. 73]. Политический суверенитет является необходимым условием цивилизационной реализации культурно-исторического типа.

О России как о несостоявшейся цивилизации писал О. Шпенглер, назвавший ее историю, начиная с Петра I, псевдоморфозом, нарушившим естественное рождение необходимого ей культурного духа. Морфоло-

гия истории у О. Шпенглера описывает этапы рождения и жизни великих исторических культур, для которых «цивилизация» предстает как заключительный этап, т. е. время смерти духа культуры, оставляющей социальную организацию, утратившую способность к развитию (точнее, способность к творчеству). Псевдоморфоз, как утверждал О. Шпенглер, втиснул «примитивную русскую душу вначале в чуждые формы высокого барокко, затем Просвещения, а затем – XIX столетия. Петр Великий сделался злым роком русскости» [7, с. 197]. Как утверждал немецкий философ, «народу, предназначением которого было еще на протяжении поколений жить вне истории, была навязана искусственная и неподлинная история, постижение которой прарусскостью – вещь абсолютно невозможная» [7, с. 178]. Прарусскость по Шпенглеру следует понимать как состояние, предшествующее рождению духа исторической культуры, естественное движение которой нарушено внесением западных форм.

Теоретик цивилизационной историософии XX в. А. Тойнби вносит в свою таблицу Россию как православную цивилизацию, созданную соответствующим сочетанием рас. При обсуждении исторического положения России у него центральной темой также оказываются ее взаимоотношения с Западом. Становление промышленного общества в России он характеризует как борьбу «зилотизма» и «иродианства», иначе говоря, противостояние самобытного начала (зилотизм) попыткам адаптации к западному промышленному обществу путем заимствования его интеллектуальных и материальных средств (иродианство). Деятельность Петра I он рассматривает как пример добровольной вестернизации незападной страны: «Петровская политика ставила своей главной целью превращение русского православного государства в одно из местных государств современного западного мира, чтобы русский народ мог занять определенное место среди других западных наций» [6, с. 461].

Советский период как конечный результат взаимодействия Запада и России в оценке А. Тойнби оказывается весьма противоречивым: «Постреволюционная Россия представляет собой парадоксальную картину общества, которое получило иностранную иродианскую идеологию, чтобы использовать ее как движущую силу в проведении зилотской политики культурной самодостаточности» [6, с. 463].

Общность указанных взглядов на русскую историю изнутри (Н.Я. Данилевский) и извне (О. Шпенглер и А. Тойнби) заключается в понимании того, что Россия не Запад, со стороны которого она постоянно испытывает давление, но и не Восток. Поэтому есть основание для обсуждения вопроса о России как о цивилизации либо *становящейся*, вопреки множеству препятствий, либо *пропустившей историческое время своего становления* и обреченной на угасание и раздел между цивилизациями Востока и Запада. Воз-

возможность превратиться в одно из местных государств западного типа является проблематичной; во всяком случае, она будет означать отказ от цивилизационной судьбы.

Элита как социальный слой

Термин «элита» многозначен, что не препятствует его широкому употреблению. Трудность в определении границ названного понятия обусловлена среди прочего смешением понятий «элита» и «правлящий класс», тем более что термином «элита» обозначают тот слой в обществе, который реально осуществляет процессы управления или, по меньшей мере, может существенно воздействовать на них. Эпитет «лучшие», восходящий к этимологии термина, сам по себе не создает необходимой ясности для выделения названного социального страта. Общество всегда желает видеть «лучших» в качестве своих учителей и правителей, причем под «лучшими» подразумеваются обычно люди высоких нравственных достоинств, высокой учености, благородства и т. п.

Однако в социально-философском подходе к рассмотрению вопроса об элите приходится считаться с тем, что в обществе есть множество социальных групп, в каждой из которых существует своя элита: политическая, финансовая, бизнес-элита, научная и т. п. Если же объединять все элитарные группы такого рода, то придется представить элиту как широкий слой, пронизывающий разные социальные группы, общим признаком которого является авторитетность в своей группе, а также формальное и неформальное участие в управлении обществом и в формировании его сознания. То есть речь должна идти не только о политическом управлении, но и об управлении через сферу сознания, о воздействии на постановку целей хозяйственной деятельности, образования и воспитания в обществе, на культуру и другие стороны социальной действительности.

Это означает, что элита общества формируется из разных социальных групп, среди которых чаще всего наиболее заметны политические деятели, государственная бюрократия, собственники средств производства, работники науки, искусства и т. п. В каждой из таких социальных структур могут и должны возникать неформальные элитарные группы, тем или иным образом взаимодействующие с элитарными группами других сфер деятельности. Каждая из таких групп фактически определяет (или стремится определять) смыслы и цели в своей сфере активности. То общее, что соединяет их в некий общий элитарный слой, суть смысловые ценности, предлагаемые обществу и реализуемые в этом обществе. В результате основанием для неформального объединения элиты оказывается общность в понимании смысла и целей существования и развития общества. Ответственные смыслы и цели, их формирование и реализация есть главная за-

бота элиты общества. Организационное оформление элитарного слоя как целого не является обязательным, достаточно неформальных связей, позволяющих поддерживать определенное «мировоззренческое единство».

Потребность в элитарном слое, реально выполняющем названную функцию, существует всегда, поскольку этого требуют системные механизмы управления обществом. Процесс формирования элиты является частью жизни общества, он органически включен в системное воспроизводство общества как целого. В то же время существует обратная связь, поскольку сама элита влияет на общественные процессы и тем самым на процесс собственного формирования. Для разных элитарных групп возникают разные условия их воспроизводства, элита может «втягивать» представителей разных социальных слоев и может их отторгать. По личностным качествам людей, вовлекаемых в элитарные слои, можно судить о качестве самой элиты, хотя решающая роль принадлежит здесь не столько личностным качествам индивидов, сколько их отношению к обществу, о способности выполнять требуемые функции, участвовать в решении тех задач, на которые ориентировано общество. О качестве элиты можно судить также и по нравственным достоинствам представляющих ее людей. Во всяком случае, личные достоинства и пребывание в элитарных группах находятся в определенной связи. Вхождение в элиту может оказаться как нравственным очищением, так и нравственным испытанием, конкретные условия которого зависят от того, какие задачи решают элитные группы, какие ценности и смыслы они реализуют своими действиями.

Неформальное единство элитарного слоя создается общностью мировоззрения составляющих его людей. Оформляет эти представления и делает их доступными интеллектуально-образовательная среда, возникающая в обществе по мере его развития. В этой среде создаются институциональные центры, а также более тесные элитарные кружки, связанные общим делом. Лидеры таких объединений предстают в истории как крупные мыслители, создающие системный взгляд на мир и на человека. В европейской истории античного периода эту функцию выполняли философские школы. В Средневековье роль интеллектуального центра выполняла в Европе католическая церковь, постоянно шлифовавшая свои мировоззренческие догмы в борьбе с еретиками, в ходе внутренних дискуссий, в процессах воздействия на светскую власть и путем создания собственных образовательных центров. Эпоха Просвещения стала временем формирования светского сознания и светского образования, в становлении которого приняли участие философия и наука Нового времени. Светское сознание потребовало нового истолкования и обоснования морали, и вопрос о морали становится неотъемлемой частью новой антропологии.

На этом пути в обществе складывается интеллектуальная элита, для отдельных групп которой возможно формальное объединение в рамках тех или иных институциональных структур. Неформально она проникает во все социальные и элитарные группы благодаря доступным средствам распространения идей, а также и путем вхождения ее представителей в те или иные общественные группы. Во всяком случае, при анализе процессов формирования общественного сознания необходимо выделять особый слой, который можно назвать интеллектуальной элитой. Последняя необходима обществу для решения комплекса рефлексивных задач: осознания собственной идентичности, отношений в обществе, перспектив его развития, развития образования и т. п. Без определенной мировоззренческой установки и без необходимого уровня образованности, обеспечивающей мыслительные процессы в обществе, оно исторически слепнет и оказывается не способным быть историческим субъектом, т. е. самостоятельно осуществлять свое движение в историческом пространстве и времени.

В процессах взаимодействия элиты и общества возникает важный вопрос о моральных достоинствах элиты. Оценка таковых не может ограничиться суждениями о личных нравственных свойствах ее представителей. Более важна постановка вопроса о нравственных качествах элиты как социального слоя, существующего в обществе в силу системной необходимости, о которой идет речь. Часто принято полагать, что отбор в элитарные слои (например, в правящий слой) людей честных и справедливых гарантирует высокую степень справедливости и в самом обществе. Однако отношение элитарных слоев как некоего целого к нравственной норме поведения складывается в соответствии с их пониманием своего положения и своей роли в обществе. В романе «Война и мир» Л.Н. Толстой сатирически рисует нравственную атмосферу высшей дворянской аристократии, что в целом не препятствует появлению людей с высокими нравственными достоинствами, каковыми представлены главные герои романа (Наташа Ростова, Андрей Болконский, Пьер Безухов и др.). Но свои моральные качества герои романа проявляют не только в межличностном общении, но прежде всего в понимании общественного долга. Исполнение общественного долга оказывается в неразрывной связи с личными нравственными достоинствами.

Нравственное сознание элиты общества являет себя через отношение к обществу и общественный долг. Личные достоинства, не ведущие к его исполнению, не могут рассматриваться как «элитарные» характеристики индивида. Желание видеть «лучших» в правящей или иной элите, основанное на представлении об индивидуальных достоинствах, не гарантирует поддержания высоких качеств элитарного слоя. Качества этой группы зависят от понимания и исполнения общественного долга, хотя

эта способность зависит от личных нравственных характеристик людей. В обществе нет гарантий отбора в элитарные слои только тех, кто способен осознанно действовать в интересах исторического прогресса общества. Динамика общественной жизни может создавать условия, при которых в элитарных группах могут оказаться «худшие», и тогда принято говорить о формировании антиэлиты. В целом же связь личных и групповых достоинств членов элитарных групп выражается в их способности на личном уровне принимать цели и ценности, обеспечивающие служение общественным интересам, в способности подчинять этим интересам свою личную жизнь, не искажая исполнение долга своей эгоистической заинтересованностью. Этим открывается подход к решению вопроса о свойствах и качестве элиты. Главным и необходимым среди этих свойств оказывается способность служить высшим целям общественной жизни и общественного развития.

В реальном историческом процессе представление о высших целях может оказаться дискуссионным и сформировавшаяся элита может выдавать за них эгоистические интересы тех или иных социальных групп. В таких ситуациях поиск критериев для оценки целей, намерений, смыслов обращается в сферу понимания истории (историософию) и в сопряженную с ней область всечеловеческой морали. На этой основе возникают практические ограничения для намерений и действий элитарных слоев. Неудивительно, что в таких случаях моральные критерии оказываются конечной инстанцией оценки качества элиты и моральные качества людей элиты становятся одним из гарантов следования выбранному обществом историческому пути.

Эта проблема более всего занимала Конфуция, формировавшего в своей философской школе образ благородного мужа, т. е. человека государственного, входящего во властную элиту своего времени. Основным признаком такого мужа китайский мыслитель называет человеколюбие, а личные свойства, приводящие его в элитарный слой, заключаются в способности слышать голос Неба, уважать деяния великих и слова мудрецов. В XX веке Х. Ортега-и-Гассет, обратившийся к исследованию «человека массы», противопоставляет ему «избранного», которого, следуя контексту сочинения, можно было бы назвать человеком элиты. Это человек, требовательный к самому себе, человек с чувством долга, в отличие от массы, которая давит всё непохожее, особое, личностное, избранное [4, с. 121–123]. Иначе говоря, испанский философ имеет в виду аристократию, но не как социальную категорию, а как тип человека. В таком случае под элитой можно было бы подразумевать аристократию духа, необходимую обществу для осуществления его исторического пути, его призвания в потоке истории.

Как отмечалось, общество есть системное целое, в котором элита является важной подсистемой, оказывающей управляющее воздействие на общество. Люди, объединяемые в эту неформальную общность, могут быть действительно необходимой обществу элитой, но могут оказаться и анти-элитой, если у них потеряна связь с глубинными основаниями общества, с его культурно-историческим архетипом. Тогда обществу навязываются решения, не способные продлевать его историю. Подобные катастрофические положения (например, русская Смута начала XVII века), исторически возможны в силу ряда причин. С одной стороны, разрыв между интересами элитарных групп и интересами общества может возникать в силу всегда существующих эгоцентрических интересов индивидов и классовых структур. С другой стороны, никакая элита ни в какое время не может владеть обществом и его сознанием целиком и полностью. В частности, нравственные устои жизни общества и соответствующие им моральные оценки живут в общественном сознании, поддерживаются народной традицией, народной культурой.

Если элита отстает от доминирующих в обществе нравственных начал, возникает разрыв между ней и обществом, который провоцирует общественные катастрофы. Иллюзия того, что элита может решать любые вопросы по собственному произволу, возникает сегодня в условиях применения мощных технических средств воздействия на массовое сознание. Однако социальное конструирование, игнорирующее эволюционно сложившийся синтез биологической и культурно-исторической природы человека, может вести только к катастрофе, предчувствие которой было не однажды отражено в алармическом творчестве фантастов.

Элитарные слои могут формироваться как в общественных объединениях, принявших форму государств, так и в более широких структурах, например, в рамках цивилизаций. Таковыми являются элиты европейской цивилизации, или западной цивилизации в целом. Их объединение обеспечивается целостностью сознания, в фундаменте которого лежит среди прочего этический консенсус, регулирующий не только личное, но и групповое поведение элитариев. В реальных исторических процессах элитарный слой чаще всего не монолитен, поскольку объединяет людей из разных сфер общественной жизни, консолидации которых способствует достигаемая общность в понимании исторических задач и исторических смыслов. В силу исторических обстоятельств может оказаться, что прогрессу общества может служить личность, не обладающая личными нравственными достоинствами, но сам исторический прогресс не может быть безнравственным. В последнем случае он превращается в регресс.

Социально-историческая рефлексия и рациональная обработка фундаментальных жизненных смыслов осуществляется по преимуществу ин-

теллектуальной элитой. Весьма важным оказывается при этом вопрос взаимодействия и консолидации политической и интеллектуальной элиты, по-разному решавшийся в различных обществах. Сложность достижения такой консолидации по-своему иллюстрирует русская история.

Особенности формирования элит в России

Вопрос, поставленный названием этой статьи, имеет по меньшей мере два измерения. С одной стороны, речь должна идти о становлении государственных элит русского государства, с другой – о становлении элит цивилизационных. Понятно, что обе эти функции должны соединяться в одних и тех же социальных группах.

Появление государства сопряжено с рождением его «духа», его культурного архетипа, т. е. системного набора жизненных смыслов, консолидирующих общество. Это смысловое поле трансформируется вместе с общественной и государственной жизнью народа. Вместе с государством возникает политическая элита, а также элита интеллектуальная, которая в условиях доминирования религиозного сознания неизбежно будет представлена клириками, т. е. социальной группой, поддерживающей и распространяющей религиозную веру. Становление Киевской Руси было подготовлено историческим развитием восточных славянских племен, и на завершающем этапе этого процесса княжеская власть и православная вера обнаруживают себя как основные устои формирующегося государства. На этом уровне развития становится возможным исследование некоторых особенностей политического сознания княжеской власти, объединившей славянские племена в единое государство.

В.О. Ключевский указывает на интересную особенность становления политического сознания Киевской Руси, проявившую себя в пробуждающемся чувстве общности. Осознание этого чувства можно также считать первой формой патриотического сознания, и оно может быть названо неким эквивалентом государственнического сознания в рамках удельно-феодалного порядка того времени.

Русский историк отмечает, что патриотизм того времени основывался не на этническом самосознании, а на чувстве территориальной общности. Слова «Русская земля», произнесенные в «Слове о полку Игореве», стали выражением этого патриотизма, видевшего русскую землю как общую отчину: «Везде Русская земля, и нигде, ни в одном памятнике не встретим выражения *русский народ*. Пробуждающееся чувство народного единства цеплялось еще за территориальные пределы земли, а не за национальные особенности народа... Поэтому чувство народного единства пока выражалось еще только в идее общего отечества, а не в сознании национального характера и исторического назначения (выделено мной. – В.Ч.) и не в мысли о службе

нии народному благу, хотя и пробуждалось уже помышление о нравственной ответственности перед отечеством наряду со святыней» [3, с. 213].

В эпоху становления Руси князья, находившиеся в родственных отношениях, совместно владели русской землей. Отдельные княжества представляли собой уделы, находившиеся в распоряжении князей или княжеских семейств в порядке, устанавливаемом великими князьями или княжеским родом как целым. Часть из них могла превращаться в вотчины, т. е. наследные владения тех или иных семей. На этой основе складывалось политическое сознание княжеской элиты, которое можно назвать удельно-вотчинным мышлением, определявшим отношение к государству. Оно не препятствовало сознанию патриотическому как сознанию единства земель, поддержанному обществом, но его трудно назвать полноценным государственным сознанием. Владелец вотчины или удела мыслит интересами своего надела, он мыслит иначе, нежели властитель государственный, обязанный думать об интересах государства как целого. Неудивительно, что в процессе становления Московской Руси названное обстоятельство породило сложно решаемую проблему, суть которой в том, что удельно-вотчинное сознание русской политической элиты в лице князей и бояр стало препятствием на пути формирования государственного сознания в рамках превращения совокупности уделов в единое государство. Опричнина Ивана IV была одним из эпизодов этой исторической борьбы, принявшей со стороны самодержца патологический характер. С другой стороны, вотчинному сознанию чуждо видение государственно-исторической перспективы, у него нет чувства истории, и историософия ему не нужна¹. Напротив, государственному сознанию необходима идеология, обеспечивающая видение исторической перспективы, и связанная с ней этика, т. е. ценностная ориентация государственных мужей.

В период становления Московской Руси задачу формирования государственной идеологии выполняла православная церковь. В начале XVI века контуры новой идеологии инок псковского монастыря Филофей выразил формулой «Москва – Третий Рим». После падения Византии эта установка могла быть шагом к осознанию цивилизационной роли русского государства. Она указывала на роль Московской Руси как христианского общества, принимающего на свои плечи заботу о всем христианском мире, что есть взгляд исторический и историософский. По примеру павшей Византии царская власть была представлена как власть высшая, идущая от Бога и стоящая выше удельно-сословной распри.

¹ Можно предположить, что вирус вотчинного сознания всегда жил в мышлении государственных деятелей России в виде склонности рассматривать ее как вотчину правящего класса. Не исключено, что самоаттестация Николая II как «хозяина земли русской» явилась невольным психологическим проявлением этой болезни.

Важно, что эта установка, провозгласившая высокую государственную цель, давала основание как для внутриэлитного консенсуса, так и для глубинного общественного согласия. Если Россия – хранительница православного мира, то этика православного христианина закреплялась в качестве образца, с которым должны были сверяться мысли и действия государственной элиты. Соответственно этому православная церковь должна была взять на себя роль руководителя, обеспечивающего внутриэлитарный консенсус. Одновременно на церковь фактически возлагалась обязанность быть интеллектуальным лидером, прокладывающим путь становлению христианско-православной цивилизации, способной противостоять цивилизации христианско-католической или даже способной к всехристианскому объединению, о котором в XIX веке осмелился мечтать В.С. Соловьев.

В силу совокупности исторических причин масштабная задача такого рода не была решена. Можно сказать, что даже попытка ее постановки не была принята ни к рассмотрению, ни к исполнению. Проблема внутриэлитного консенсуса, который должен обеспечиваться «государственным полем смыслов», в полной мере проявила себя в Великой Смуте 1598–1612 гг. Начавшись в верхнем боярском слое по вопросу о наследовании самодержавной власти, она шаг за шагом проникла вглубь общества и привела к потрясениям, разрухе, потере государственного управления и ряду других разрушительных следствий. Одним из частных результатов Смуты была утрата международного авторитета и уважения к России со стороны других государств. Это обстоятельство отмечает В.О. Ключевский: «Московские бояре в 1612 г. писали в окружной грамоте по городам: со всех сторон Московское государство неприятели рвут; у всех окрестных государей мы в позор и укоризну стали» [3, с. 86].

Восстановление государства в эпоху Романовых происходило в то время, когда на Западе рождалось промышленное общество, необходимыми средствами становления которого были наука и техническое развитие. В XVII веке самодержавная власть России вынужденно обращается к частичному заимствованию европейского опыта, хотя этим не обеспечивалось промышленное развитие России как государства в целом. Кардинальное решение проблемы связано с реформами Петра Великого, который поставил своей задачей использовать научные и промышленные достижения Европы для реформирования и развития России. Отчасти сознаваемая (а в еще большей части неосознаваемая) проблема, вставшая перед преобразователем и реформатором России, приняла новый контекст, не столь актуальный в прошлом, когда возникала идея «Третьего Рима». Новый, начавший возникать в эпоху Петра вопрос государственного развития можно свести к дилемме: смотреть ли на Россию как на отставший в разви-

тии уголок Европы, или сознавать необходимость преобразования России не только как самостоятельного государства, но и как чего-то большего, как основания цивилизации, имеющей свой культурно-исторический архетип, свою историческую траекторию. В полной мере эта проблема начинает сознаваться в XIX веке. Что же касается Петра I, то его преобразовательные действия не сводились к «вхождению» в европейскую (мировую) цивилизацию. По своему реальному историческому значению они были строительством Российской империи как самостоятельного культурно-исторического целого, а не как одного из европейских государств. На этой основе рождалась его практика государственного строительства.

После завершения реформационных войн промышленная цивилизация Европы формировалась как совокупность светских национальных государств. Идеино-мировоззренческие основания новой эпохи были изложены светским языком новой философии и нового естествознания. Но и для России клерикальная мысль не могла быть повивальной бабкой промышленного развития, и это обстоятельство нашло свое отражение во взаимоотношении церкви и императора, который стремился встроить церковь в свой реформаторский процесс как своеобразное государственное ведомство по духовным вопросам.

В Российской империи становится актуальной проблема становления светского сознания, но его востребованность трудно уживалась с консерватизмом феодальной элиты, видевшей в государстве прежде всего средство и способ своего существования. В этих условиях рождался новый интеллектуальный слой, не без основания претендовавший на роль интеллектуальной элиты общества и получивший название русской интеллигенции. Время перемен требовало диалога светского и религиозного сознания. Форма этого диалога определялась суммой исторических обстоятельств, сопровождавших развитие России в XVIII–XIX веках. Однако предполагаемая и необходимая коммуникация складывалась с трудом. Нередко ей препятствовали действия политической элиты и церковного руководства, занимавших охранительную позицию и не склонных слышать пробуждающийся голос светского сознания, подчас видевших в светской философии угрозу обществу. Оставалось открытым поле поиска государственно-цивилизационных смыслов, способных консолидировать элиту и объединить общество.

В сложных условиях общественного развития обнаруживает себя важное средство внутриэлитного консенсуса – историческое мышление, формирующее отношение к прошлому и настоящему, дающее понимание связи времен. Этот тип мышления является частью светского сознания, обеспечивающего культурно-историческую самоидентификацию, необходимую для взаимопонимания элиты и общества. Важность историческо-

го сознания определяется также тем, что оно раскрывает социально-этические взаимоотношения в обществе прошлого и тем самым несет в себе нравственную составляющую. Этнос, явленный в историческом сознании, создает смысловую основу для ощущения единой судьбы элиты и народа, скрепленных общими нравственными ценностями и совместно продлевающих свое историческое существование.

В переходные периоды смены элитарных групп проблема внутриэлитарного консенсуса неизбежно дополняется вопросом о взаимоотношении элиты и общества и о тех нравственных ценностях, которые их соединяют. Так было в период буржуазных революций в Европе, когда конституировалось понятие нации, определившее мировоззрение и этос буржуазных элит того времени. В России этика православно-общинного сознания препятствовала принятию эгоистической буржуазной идеи нации. Традиция русской культуры в гораздо большей степени тяготела к этике всечеловеческого единства, так или иначе сыгравшей свою роль в событиях начала XX века. Она должна была стать нормой, соединяющей элиту и общество. Вопрос заключался в том, способна ли элита придать этой этике светскую форму и достичь на этой основе общественного консенсуса.

Внутренний социально-нравственный разлад российской элиты и общества на стадии кризиса феодальных структур отражен В.С. Соловьевым. Он рассказывает о некоем помещике Елатомского уезда, отличавшемся крайне жестоким отношением к своим крепостным крестьянам, что стало основанием для проведения следствия государственными органами: «Кроме того, что многие крестьяне (особенно дети) были им замучены до смерти, следствием обнаружено, что в имении К-рова не было ни одного неизбитого крестьянина и ни одной крепостной девушки непоруганной» [5, с. 336]. Сам по себе это единичный факт жестокости помещика, и проблема в не столько в самом этом факте, сколько в отношении к нему елатомского дворянства: «На повальном обыске в Елатомском уезде большинство дворян отозвались о К-rove, что он “истинно благородный человек”. Иные к этому прибавляли: “К-ров – истинный христианин и исполняет все христианские обряды”. А предводитель дворянства писал губернатору: “Весь уезд встревожен по случаю *бедствий* господина К-рова”. Дело кончилось тем, что “истинный христианин” был освобожден от уголовной ответственности, и елатомское дворянство успокоилось» [5].

В.С. Соловьев показывает этим примером, что идея, ограниченная сферой личной нравственности, не может сама по себе преобразовать общество, пока она не стала общим делом. Личные нравственные понятия елатомского дворянства не распространялись на отношение к крепостным. Само крепостное право, принявшее в России особенно уродливые экономические и социально-нравственные формы, решительно препятствова-

ло осознанию дворянской элитой общности исторической судьбы с тягловым населением Российской империи и принятию этики, основанной на этом осознании. Дворянство как класс не могло столь решительно преобразиться. В результате только личное нравственное чувство могло протестовать против отношений социального и нравственного неравенства.

Вхождение в промышленное общество требовало новых элит и новых социальных групп, которые в России XX века не смогли завершить свое формирование ни структурно, ни нравственно-мировоззренчески, ни политически. В этом объяснение некоторых особенностей интеллигенции как интеллектуальной элиты общества. С одной стороны, на фоне глубокой нравственной несправедливости крепостного права становится понятной этическая озабоченность нарождавшегося интеллектуального слоя, претендовавшего на роль совести общества. С другой стороны, интеллектуальная мысль, направленная на постижение цивилизационной идентичности России, оказалась невостребованной со стороны государства. Она была излишней для правящей дворянско-аристократической элиты, воззрения которой были в целом ограничены отношением к государству как к своей вотчине и как к средству решения собственных сословных задач. Эта мысль была чужда и клерикальному сословию, видевшему свою задачу в поддержании православно-вероисповедальной идентичности, обращенной к индивидам, но не реализованной в действительных формах социальных отношений.

При этом в обществе не могли исчезнуть ни государственническое сознание, ни государственническая элита, без которых государство становится бессильным. Государство, его сохранение и продление его жизни представляло как ценность, принимаемая безотносительно к другим проблемным вопросам общественной жизни. Но в условиях продолжающегося «феодалного застоя» происходило истончение и социально-нравственное разложение государственнического слоя, что и обнаружила Февральская революция 1917 г. К этому времени Россия не выработала форм общественного сознания, необходимых для построения буржуазного общества. Неудивительно, что когда в революционную смуту, начатую, как и в давнем прошлом, верхушечной элитой, включились низы, то возглавить новую революцию смогла только группа революционеров, имевшая собственный – некапиталистический – проект будущего промышленной России.

В XIX веке в России не смогла сформироваться государственная и интеллектуальная элита, сознающая цивилизационную идентичность России и способная действовать соответствующим образом в сфере социального строительства. В интеллигентной среде так называемая западническая ориентация отрицала или признавала неполноценным культурный архе-

тип России. Такая позиция принципиально не приемлет задачу осознания собственного цивилизационного начала. Отдельные группы интеллектуалов, обозначаемые в истории общественной мысли России как «славянофиль», «почвенники» или просто независимые мыслители, каким был и В.С. Соловьев, не только не были востребованы в обществе, но и находилась под постоянным публицистическим и политическим давлением другого интеллигентского слоя. Это порождало ожесточенную внутреннюю полемику внутри интеллигенции, исключавшую совместное движение к осознанию собственной культурно-исторической идентичности.

Потрясения начала XX века, начатые смутой февральских событий, привели к широкомасштабным системным изменениям общества с участием низов. В ходе этого процесса, сопровождавшегося Гражданской войной, произошла революционная смена политической и интеллектуальной элиты. Успешность сверхсрочной индустриализации и масштабного социального строительства была подтверждена в середине века победным завершением Великой Отечественной войны. Однако в послевоенное время всё более остро стало обнаруживать себя внутреннее противоречие, отмеченное А. Тойнби. В практическом плане строительство нового общества опиралось на социально-нравственный архетип русской культуры, имеющий общинно-коллективистский характер. Этим создавалась почва для формирования советской культуры и ее гуманистической ориентации, продолжившей в своих лучших образцах традиции русского искусства, науки, образования, психологических стереотипов нравственной солидарности, стереотипов общинного сознания и поведения и т. п. Но при отсутствии осознания собственной цивилизационной идентичности теоретическим основанием политического и мировоззренческого мышления оказалась концепция марксизма, сформировавшаяся на культурно-исторической почве западноевропейской цивилизации («ироданская идеология» в терминологии А. Тойнби).

Это противоречие по-своему отразил Н.А. Бердяев, указавший, что социальные успехи «русского коммунизма» гораздо более христианские, нежели западный капитализм. В то же время новая элита не способна к мировоззренческой динамике и скорее согласится на возврат капитализма, нежели на серьезные идеологические подвижки [1, с. 148–152].

В конечном счете мировоззренческий провал в осмыслении собственной цивилизационной идентичности вновь воспроизвел драматический разрыв элиты и общества, вновь воспроизвел «великую смуту», выход из которой опять-таки видится на сомнительном пути заимствования идейного и социального опыта строительства западной цивилизации. Обратной стороной этого процесса является частичная реконструкция негативных сторон социально-нравственной атмосферы XIX века, дополняемая

уже современным разрушением солидаристского чувства, на котором основывается традиционалистская этика русской культуры. Эти обстоятельства не могут стимулировать рост нравственного чувства, но могут способствовать его упадку.

Заключение

Шпенглер был отчасти прав, когда назвал историю России псевдоморфизмом, т. е. движением подражательным. Отсутствие в сознании элит устойчивого смыслового ядра, отражающего цивилизационную идентичность русского общества и государства, не только препятствует устойчивому консенсусу элиты и общества, но в критических состояниях, возникающих по названной причине, влечет ситуативность поведения правящих элит. Принципиальные решения принимаются под воздействием внешних обстоятельств, преломляемых сквозь призму сословных интересов, Противостоять разрушительному действию эгоистических интересов сословий (социальных групп) позволяет в подобных случаях наличие государственнической установки, осознание частью элиты и народом перспективы полной утраты исторической субъектности в условиях гибели государства.

Необходимо отметить, что цивилизационное сознание не может быть сознанием узкоэтническим, хотя рождается в культуре определенного этноса, носителя генотипа такого сознания. По этой причине русскими могли называть себя представители любого этноса, принимавшие соответствующий тип сознания. По этой же причине в народном сознании никогда не приживался эгоистический национализм буржуазных наций. Этосы христианства и советского строительства имели всечеловеческий характер, т. е. руководствовались идеей всечеловеческого братства. Исключительная ориентация на опыт западной цивилизации и государственное строительство, подчиняемое чужому цивилизационному коду, лишают Россию исторической привлекательности, сводят социальное строительство к своеобразному «бизнес-проекту».

Цивилизационное сознание не может ограничиваться суммой политических или идеологических тезисов. Оно выражается в системном воззрении на мир, на человека, на смысловые ценности жизни, пронизанном соответствующей этикой, соответствующим мирочувствованием. В истории культуры и общественной мысли России накоплен необходимый материал для такого синтеза, требуется его системное оформление. Для этоса русской культуры тесны границы буржуазной нации. Россия не одно из рядовых западных государств, чему препятствует также ее геополитическое положение. Вне историософского мышления, вне осознания исторической судьбы русского (российского) общества и принятия тра-

диционно скрепляющей его этики всечеловеческой солидарности формирование русской цивилизационной элиты остается весьма проблематичным.

Литература

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – Изд. 6-е. – СПб.: Глаголь : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1995. – 552 с.
3. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 3. Курс русской истории, ч. 3. – М.: Мысль, 1988. – 414 с.
4. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. – 1989. – № 3. – С. 119–154.
5. Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1988. – Т. 1. – С. 47–580.
6. Тойнби А.Дж. Постижение истории. – М.: Прогресс, 1996. – 608 с.
7. Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. – М.: Мысль, 1998. – 606 с.

Статья поступила в редакцию 22.01.2020.

Статья прошла рецензирование 18.02.2020.

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.1-29-47

COULD CIVILIZATION ELITE BE FORMED IN RUSSIA?

Cheshev Vladislav,

Dr. of Sc. (Philosophy), Professor,

Professor of National Research Tomsk State University,

36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-2536-0806

chwld@rambler.ru

Abstract

The article discusses some features of the formation of the political and intellectual elite of Russia associated with the awareness of the civilizational characteristics of Russian society. Based on the experience of researching this topic by the domestic and foreign thinkers, the author raises a problematic question of whether Russia can be considered as one of the examples of a civilizational structure. Civilizations are very broad geopolitical associations, which form in their existence the corresponding elite strata. The text draws attention to the characteristics of the elites, their role in society. The elites of society are heterogeneous; they arise in different social strata. The elite appears as an informal association of such groups. The author points out the importance of the existence of political and intellectual elites, whose mutual support creates the necessary correspondence between worldviews and practical actions in society. The author draws attention to the ethical characteristics of elite groups, in particular, to the relationship of individual morality with the awareness and fulfillment of public duty imposed on elites by their position in the society. The author agrees with the opinion of V.O. Klyuchevsky, who pointed to the particularities of the formation of state consciousness of the princely elite of the period of Kievan Rus. It is not an ethnic consciousness, it begins with an understanding of the territorial community of lands and the people living on it, united by princely power. In the feudal period, the role of the intellectual elite with necessity was played by the Orthodox clergy, who turned not only to the formation of personal morality of people, but also to understanding the ideology of the Moscow state. The historically inevitable transition to the industrial stage of development required the formation of secular consciousness and a new elite capable of its development. The author points out the important role of historical consciousness as an ethical basis for intra-elite harmony and for the consensus of society and the elite. Under these conditions, a contradiction arises in the Russian elite between attempts to comprehend their own civilizational identity and orientation toward a Western model of development. The author points to the unresolved nature of this contradiction and its influence on the modern history of Russia.

Keywords: civilization, elite, morality, intellectual elite, statehood, public consciousness.

Bibliographic description for citation:

Cheshev V. Could Civilization Elite Be Formed in Russia? *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 2, pt. 1, pp. 29–47. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.1-29-47.

References

1. Berdyaev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origins and Meaning of Russian Communism]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 224 p. (In Russian).
2. Danilevskii N.Ya. *Rossiya i Evropa: vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu* [Russia and Europe: A Look at the Cultural and Political Relations of the Slavic World towards German-Roman]. 6th ed. St. Petersburg, Glagol' Publ., St. Petersburg University Publ., 1995. 552 p.
3. Klyuchevskii V.O. *Sochineniya*. V 9 t. T. 3. *Kurs russkoi istorii*, ch. 3 [Compositions. In 9 vol. Vol. 3. The Course of Russian History. Pt. 3]. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 414 p.
4. Ortega y Gasset J. *Vosstanie mass* [The Revolt of the Masses]. *Voprosy filosofii = Russian Studies in Philosophy*, 1989, vol. 3, pp. 119–154. (In Russian).
5. Solov'ev V.S. *Opravdanie dobra* [Good Justification]. Solov'ev V.S. *Sochineniya*. V 2 t. [Works. In 2 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1988, vol. 1, pp. 47–580.
6. Toynbee A.J. *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Moscow, Progress Publ., 1996. 608 p. (In Russian).
7. Spengler O. *Zakat Evropy: ocherki morfologii mirovoi istorii*. T. 2. *Vsemirno-istoricheskie perspektivy* [The Decline of the West. Vol.2. Perspectives of World-History]. Moscow, Mysl' Publ., 1998. 606 p. (In Russian).

The article was received on 22.01.2020.

The article was reviewed on 18.02.2020.